

А. С. Забоенкова

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЛИЧНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Проведен юридический анализ личной собственности, которую по законодательным актам аграрной реформы крестьяне получали на усадьбу, участки надела в подворных селениях, а также на укрепленные земли в общинной деревне. На основе сопоставления общегражданского и крестьянского законодательства показаны отличия личной собственности, заменившей семейную собственность крестьянского двора, от частной. Они были связаны с сохранением особого статуса наделных земель, а также с ограничениями в правах пользования, владения и распоряжения.

This article provides a legal analysis of personal ownership of estate, parcels of land in homestead villages, and fortified communal land in the village, which was acquired by peasants under the legislative acts of the agrarian reform. Based on a comparison of general civil and peasant legislation, the author emphasises the differences between personal ownership, which replaced the family ownership of a peasant homestead, from private ownership. They related to maintaining a special status of allotment lands and the limitations on the rights of use, ownership and disposition.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа, личная собственность на землю, законодательство.

Key words: Stolypin's agrarian reform, personal land ownership, legislation.

Одной из основных задач аграрной реформы П. А. Столыпина была индивидуализация крестьянского землевладения. Как и многие его сподвижники, он не раз говорил о необходимости привития русскому крестьянину чувства «собственника-хозяина» — инициативного, предприимчивого, ответственного за результаты своей деятельности. Вера,



что «мелкий земельный собственник» поднимет производительность сельского хозяйства, станет оплотом порядка, основанного на уважении к собственности как таковой, «внесет в деревню и культуру, и просвещение и достаток», лейтмотивом проходит через его публичные выступления [9, с. 94, 105; 10].

Однако превращение крестьянина в полноценного собственника могло произойти лишь в отдаленной перспективе. Если в Западной Европе община достаточно быстро перешла к подворному землевладению, а от него к частной собственности, то в России подобный путь из-за необычайной живучести этого архаичного института и множества других причин был невозможен. Нормативные акты Столыпинской реформы создавали условия для повсеместного перехода крестьян к подворному землевладению. Задачу же замены его частной собственностью на землю законодатель пока не ставил.

Существует распространенное мнение, что П. А. Столыпин стремился насадить среди крестьян именно частную земельную собственность. При всеобъемлющем интересе к фигуре этого выдающегося государственного деятеля в последние десятилетия достоянием массового сознания стали, в частности, два постулата. Во-первых, оптимистическая оценка результатов реформы. Во-вторых, убежденность, что ее успех — следствие превращения крестьян в полноценных собственников благодаря избавлению от общинных пут. Еще в годы Перестройки, когда интерес к реформе только зарождался, публицистика предлагала неискушенному читателю аналогию между общиной и колхозом, а также между общинной собственностью и общественной [1, с. 112–114]. Особенно широко эти аналогии использовались в начале 1990-х гг., когда в России дебатировался вопрос о введении частной собственности на землю (реформу вспоминали даже на Съезде народных депутатов). Опыт П. А. Столыпина предлагался как позитивный пример решения данной проблемы и как исторический аргумент в пользу обсуждавшегося нововведения [3].

Парадокс в том, что утверждение о намерении П. А. Столыпина сделать крестьян частными собственниками земли, которое встречается даже в исследованиях [7, с. 9], не имеет под собой никаких реальных оснований. Это один из мифов, родившихся в годы Перестройки и не изжитых до сих пор. На самом деле в законе речь шла не о частной, а о личной собственности. Сам П. А. Столыпин, говоря о мелком земельном собственнике, оперировал тем же термином, а понятие «частная собственность» к земле, получаемой крестьянином при выходе из общины, не применял. Ни указ 9 ноября 1906 г., ни иные нормативные акты не называли укрепленные наделы частной собственностью. Однако иллюзии на этот счет были даже у современников реформы. «Но не следует лицам, умудренным опытом, по оболочке судить о содержимом», — справедливо заметил по этому поводу С. Ю. Витте при обсуждении указа 9 ноября в Государственном совете [4, с. 536].

Что же представлял собой институт личной собственности на землю и почему она не идентична частной?

Оба термина использовались в гражданском законодательстве того времени. Частная — один из видов собственности (в зависимости от



субъекта права), личная — одна из ее форм (в зависимости от способа обладания правом, который мог быть индивидуальным, то есть личным, а также общим, коллективным, корпоративным, семейным).

Земельные отношения в дореволюционной России были чрезвычайно запутанными и регулировались как законодательным, так и обычным правом. Земельная собственность была наиболее консервативным компонентом аграрного строя. В зависимости от субъекта землевладения насчитывалось шесть ее основных видов, различавшихся правовым статусом: частновладельческая, казенная, удельная, кабинетская, церковная, надельная. Субъектами прав каждого из них могли быть и физические, и юридические лица (как личные, ассоциативные, корпоративные, коллективные собственники). В литературе по этому поводу существует терминологический разнобой. Но, строго говоря, объектом частной собственности можно считать лишь частновладельческие земли, которые в полной мере соответствовали понятию «собственность» в гражданском праве России. Надельная же земля обладала особым титулом. Она предназначалась для обеспечения земельного быта крестьян и с позиции прав пользования, владения и распоряжения представляла феномен, не совпадавший с частной собственностью [5, кн. 2, с. 61—62]. Аграрная реформа П. А. Столыпина не стала распространять на надельное землевладение нормы общегражданского законодательства. Однако с отменой выкупных платежей, обременявших надельную землю до 1 января 1907 г., в положение данного института были внесены новшества.

Указ 9 ноября 1906 г. разрешил и регламентировал переход крестьян от общинного и семейного способов владения надельной землей к подворному и личному. Согласно ч. I ст. 1 указа общинникам позволялось укреплять надел, то есть переводить его из корпоративной собственности сельского общества в собственность домохозяина, близкую к подворной. А ч. III ст. 1 признавала личной собственностью усадьбы и все подворные участки (как в подворных селениях, так и укрепленные в собственность в общинных) [6, с. 380, 385]. Таким образом, семейная собственность двора, существовавшая у крестьян в силу обычая, заменялась личной собственностью домохозяина, введенной в силу закона. Вопрос о частной собственности даже не обсуждался из-за невозможности сразу распространить на надельный фонд соответствующие общегражданские нормы. Личная собственность отличалась от частной рядом свойств.

Институт собственности ст. 420 Свода законов гражданских трактовала как полное господство лица над вещью. Право собственности на имущество определялось как «власть в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться оным вечно и потомственно, доколе не передаст сей власти другому». Иное наименование, допущенное в законодательстве для недвижимого имущества — право вечного и потомственного владения [8, с. 37—38; 5, кн. 2, с. 59—61].

Как с точки зрения триады правомочий пользования, владения и распоряжения выглядели права крестьян на укрепленные наделы? При обсуждении указа 9 ноября в Государственном совете этот вопрос поднимался неоднократно. Так, С. Ю. Витте — убежденный сторонник индивидуализации крестьянского землевладения, критиковал институт



личной собственности за ограниченность прав «новорожденных» собственников. По его словам, хотя «заголовок все терпит» [4, с. 536, 911], на деле «предполагается взамен общинной установить крестьянскую собственность не личную, а... полуличную, то есть такую, которая содержит в себе самые серьезные и произвольные ограничения, неизвестные на Западе» [4, с. 807]. По мнению М. М. Ковалевского, который в противоположность С. Ю. Витте защищал общину, указ «даже не создает того, что называют личной, свободной, никем не стесняемой, а потому привлекающей кредит, собственностью» [4, с. 599]. А В. И. Сергеевич вообще считал юридически некорректным называть собственностью укрепленную землю, предлагая пользоваться понятием «владение участками на правах надельной земли». Его аргумент прост: нельзя «называть собственностью то, что не есть собственность». А существующие границы и запреты «не есть ограничение личных прав крестьян, это свойство земель» [4, с. 567–568].

Имелись ли резонные основания для подобных оценок?

Во-первых, участки, укрепленные в личную собственность, сохраняли статус надельных земель. Закон о землеустройстве 1911 г. разрешил (по желанию домохозяина) придавать статус частновладельческих лишь тем отрубным владениям, которые были образованы при совместном разверстании надельных и вненадельных земель [6, с. 452]. Других возможностей для перехода к частной собственности законодательство не предусматривало.

Во-вторых, по указу 9 ноября домохозяин укреплял в собственность не весь свой надел, а только усадьбу и участки постоянного пользования, передаваемые на общих основаниях. Это — усадьба и пашня, иногда еще и часть угодий. Но в угодьях, передаваемых на особых основаниях и вовсе не передаваемых, укрепить участки в натуре было невозможно. В них «укрепленцы» сохраняли право пользования в неизменной доле либо право участия в пользовании на принятых в обществе основаниях [6, с. 380–389]. Но долевое участие не есть собственность, последняя оставалась у сельского общества [2, с. 48].

В-третьих, личный собственник был стеснен в правах пользования, владения и распоряжения. Укрепление было чисто юридической операцией. Земля укреплялась в чересполосных участках, и право пользования ею ограничивалось необходимостью подчиняться заведенному порядку и принудительным севооборотам. Обрести полную свободу пользования домохозяин мог только после сведения участков к одному месту (выдела). Но выделиться беспрепятственно разрешалось лишь при общем переделе. В иных случаях общество могло признать выдел неудобным и вместо него (при согласии домохозяина) выплатить денежную компенсацию [6, с. 382, 427–428].

Право владения укрепленцев было ограничено поверхностью земли. Хотя по гражданским законам частный собственник был одновременно и собственником недр [5, кн. 2, с. 61], эта норма не распространялась на крестьян, укрепивших землю (в том числе выделившихся к одному месту). Собственником недр оставалось общество [6, с. 425].

Но большинство ограничений касалось права распоряжения. Продать землю можно было лишь лицам сельского состояния, а купить — не более шести душевых наделов в одни руки. Фактически крестьяне



не могли «продать хотя бы самый ничтожный клочок своей земли иначе, как определенным и большею частью малоимущим лицам, при том крайне ограниченным по численности» [4, с. 537]. Залог земли частным лицам и учреждениям запрещался и был возможен только в Крестьянском банке для приобретения земли и мелиорации. Значит, крестьяне были ограничены в получении кредитов. На надельные земли нельзя было обращать частные взыскания по обязательствам, пускать их в публичную продажу по долгам и иным взысканиям, кроме строго определенных (например, за вред и убытки, причиненные уголовными преступлениями). При наследовании земли применялись местные обычаи.

Как не без сарказма заметил С. Ю. Витте, в указе «речь идет» не о частной собственности, а «о разрушении общины для создания таких личных крестьянских собственников, которые неизвестны в других цивилизованных странах ни исторически, ни в теории гражданского права». Кроме того, «их гражданские отношения разбираются иными судами, нежели, например, наши». Эти «так сказать, полуличные собственники остаются относительно правосудия в сфере полуадминистративных судебных установлений», хотя собственность крестьян — «органическое целое и требует такого же твердого и ясного обеспечения, как и собственность других классов населения» [4, с. 537—538]. С С. Ю. Витте соглашались многие — как критики, так и сторонники указа 9 ноября. То, что указ не превратил крестьян в частных собственников, одни считали благом, а другие — злом.

Правительство на этот счет не заблуждалось. Почему же оно не пошло дальше и не ввело институт частной собственности на надельную землю? Понимая, что «особое попечение, опека, исключительные права для крестьянина могут сделать его хронически бессильным и слабым» [4, с. 533], П. А. Столыпин в то же время был склонен водить новые отношения собственности очень осторожно [10]. Соответствующие пояснения дал товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин Государственному совету:

Говорят: если вы уже создаете собственников, то надо было создавать полных собственников; те собственники, которые закладывать не могут, у которых землю за долги продать нельзя, которые могут продать землю только крестьянам, — это не собственники, это какие-то собственники второго разряда, это не настоящие собственники. Я думаю, этот упрек совершенно справедлив. Но ведь правительство и не хотело и не имело вовсе в виду сразу, одним махом пера перекинуть крестьян-общинников, которые только еще вышли и выходят на стезю личной собственности, в разряд полных собственников, совершенно свободно распоряжающихся своим имуществом [4, с. 626].

Правительство, по его словам, сознательно «не предоставило крестьянам полной свободы распоряжаться укрепленными наделами, потому что это было бы шагом слишком смелым, слишком резким, а именно в области земельных правоотношений особенно требуется постепенность». Но указ не увековечивает чересполосицу, создав собственника, «который не властен распоряжаться своим имуществом». «На самом деле мысль указа 9 ноября вполне ясна: при переходе крестьян к личной собственности должны быть две стадии: первая стадия — укреп-



пление в личную, юридическую собственность, как переходная ступень, ко второй стадии — к сведению укрепленных полос к одним местам, к отрубам, к хуторам и т. п.» [4, с. 626—627]. Правительство, как видим, считало сомнительным делом сразу распространять на крестьян действие общегражданских законов, предпочитая действовать осторожно и постепенно.

Однако при этом создатели указа, включая П. А. Столыпина, особо настаивали на упразднении семейной собственности двора и замене ее личной собственностью домохозяина. Общегражданское законодательство семейную собственность не предусматривало. В силу ст. 109 закона «О правах и обязанностях семейственных» брак не создавал общей собственности [8, с. 12—13; 5, кн. 1, с. 143—144]. Она существовала только у крестьян в силу обычного права и толкований Сената, который считал усадьбу семейной собственностью.

Отказ от семейной собственности отчасти объяснялся желанием по возможности распространить на крестьян нормы общегражданского законодательства. Но главным было стремление внедрить в их быт и сознание индивидуалистические начала. Семейную собственность обвиняли в том, что она убивает «всякую предприимчивость», препятствует отчуждению наделов, «умаляет кредитоспособность» двора, «не соответствует условиям нового политического строя», который требует «простора самодеятельности и предприимчивости отдельных лиц» [4, с. 31—32]. Ее следствием, по мнению некоторых, была и «подорванная родительская власть, которая не могла сдерживать молодежь, главным образом и производившую все бесчинства» в годы революции. «Нельзя, уничтожая общину, оставить семейную собственность», — говорил в Государственном совете М. В. Красовский [4, с. 221, 223]. Но особенно негативную позицию по отношению к семейной собственности занимал сам П. А. Столыпин [9, с. 253—260].

Было ли крестьянство готово к введению института личной собственности? Мнение крестьян установить невозможно из-за их низкой правовой грамотности. В отличие от европейских крестьян они не различали пользования и владения, мечтали о трудовой собственности или вообще склонялись к тому, что «земля ничья, земля божья». Неразвитость индивидуализма, общинный менталитет, склонность к традиционному мышлению — эти качества крестьянского сознания вряд ли могли измениться за короткое время реформы. Знаток общины М. М. Ковалевский высказался об этом так:

Я могу понять тех, кто становится на ту точку зрения, что можно всем пожертвовать для того, чтобы дать стране скорее обогатиться. Эта та мысль, которой держались американцы... Я бы сказал, что те, кто указывает нам на неограниченную свободу личной собственности, как на условие быстрого хозяйственного преуспевания России, мысленно переносят нашу крестьянскую деревню в американскую среду [4, с. 599—600].

Чтобы начала крестьянской личной собственности соответствовали в полной мере нормам гражданского права, требовалось время и дальнейшее развитие законодательства. В Государственном совете подни-



мался и вопрос о принятии закона о коммасаии, «так как без него окажется невозможным столь необходимый в хозяйстве обмен полос, без которого ни один собственник не будет в состоянии хозяйничать» [4, с. 253]. Однако аграрная реформа не была доведена до конца, будучи прерванной войной и революциями. Даже закон о крестьянском землевладении так и не был принят, хотя законопроект подготовили [6, с. 390–416].

Таким образом, крестьяне получали наделную землю не в частную собственность, а в личную. Она была ограничена государством в праве пользования, владения и распоряжения и заменяла семейную собственность крестьянского двора. Толкование ее как частной расходитя со смыслом гражданского права начала XX в. и является теоретически ошибочным, поскольку не учитывает сложность земельных отношений в деревне в годы Столыпинской реформы.

Список источников и литературы

1. Анфимов А. М. Тень Столыпина над Россией // История СССР. 1991. №4.
2. Забоенкова А. С. Правовые аспекты разрушения общины в период Столыпинской аграрной реформы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 12.
3. Загайтов И. Столыпин был бы смущен: примечание к докладу И. С. Силаева // Советская Россия. 1990. 28 дек.
4. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении (Первоначальные предположения правительства по означенному предмету, извлеченные из работ Государственной думы и рассмотрение дела в Государственном Совете). СПб., 1911.
5. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И. М. Тютрюмов. М., 2004. Кн. 1–5.
6. П. А. Столыпин: программа реформ : док. и матер. : в 2 т. М., 2003. Т. 1.
7. Румянцев Ф. П. Особенности правового обеспечения столыпинской и современной аграрной реформы в России : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2004.
8. Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 10.
9. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия... : полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991.
10. Федорова Н. А. Собственность // Петр Аркадьевич Столыпин : энцикл. М., 2011.

Об авторе

Алла Станиславовна Забоенкова — канд. ист. наук, доц., Калининградский пограничный институт.

E-mail: allastaza@pochta.ru

About the author

Dr Alla Zaboenkova, Associate Professor, Kaliningrad Border Service Institute.

E-mail: allastaza@pochta.ru